



*Коллекционеры зла:
викторианский детектив*

Джесс Кидд



СМЕРТЬ

В

СТЕКЛЕ



Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Jess Kidd
THINGS IN JARS

© Jess Kidd, 2018

This edition published by arrangement with Conville & Walsh Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Художественное оформление *Е. Елькиной*

Кидд, Джесс.

К38 **Смерть в стекле:** [роман] / Джесс Кидд ; [перевод с английского И. Новоселецкой]. – Москва : Эксмо, 2020. – 448 с. – (Коллекционеры зла. Викторианский детектив).

ISBN 978-5-04-110232-6

Брайди Дивайн – анахронизм в Лондоне конца XIX века или его неотъемлемый атрибут? С одной стороны, добропорядочность ее вызывает сомнения у поборников викторианской морали (достопочтенная вдова, и вдруг на службе у полиции!). А с другой – кому, как не ей, ориентироваться в густом тумане этого монструозного города: она умеет обращаться с трупами и даже если увидит привидение своими глазами, решительно в него не поверит.

Эта книга – путешествие во времени и пространстве, целая вселенная, населенная земноводными людьми, цирковыми уродцами и призраками в татуировках.

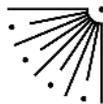
УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110232-6



Посвящается моей матери

ПРОЛОГ

Она бледна, как могильный червь, — паразитическое зрелище.

Испуганно смотрит на него с постели. Взгляд белесых глаз полнится подозрением, скачет с незваного гостя на светильник, со светильника на дверь, с двери на незваного гостя. Словно своими замутненными, затянутыми поволокой глазами она пытается постичь, как все это взаимосвязано.

Она слепая?

Нет. Она прекрасно его видит; он знает, что она его видит. Ее глаза следят, как он крадучись приближается к ней.

Она красива.

Не просто красива. Ангел с церковного кладбища, мраморное изваяние: локоны цвета слоновой кости, глаза — как светлый-пресветлый камень. Но они не каменные — блестят, как жемчуг, матовый жемчуг!

Он мог бы коснуться ее: погладить по щеке, тронуть кончик подбородка, намотать на палец белокурые локоны.





Джесс Кидд

Ее губы начинают шевелиться, надуваются, поразному складываются, словно она силится сделать что-то — силится издать звук.

Не раздумывая, он накрывает ее рот ладонью, которая в сиянии светильника кажется темной на фоне ее бледной кожи. Она хмурится, несмотря на путы, ногами отбивает сердитую дробь. Покрывало сброшено. У нее две ноги, *как у девочки*. Две тонких белых ноги и две тонких белых руки, а между ними — почти ничего.

Потом она затихает и лежит неподвижно, тяжело дыша.

На ощупь она не сравнима ни с чем в природе. Восковая кожа влажная, от дыхания веет холодом — естественным холодом, будто это живой труп.

И снова тот же запах, теперь более резкий — едкий дух соли открытого океана и чернильных водорослей.

Она буравит его своими жемчужными глазами. Он осязает на ладони прикосновение склизких бугорков ее зубов и быстрые зондирующие толчки мокрого языка.

Мужчине представляется, что его голова раскрывается, как раковина моллюска, ребенок запускает в нее пальцы, постукивает, ощупывает, проникая в его разум. Трогает, дразнит дрожащее нутро. Колышет и взбалтывает, как банку с мелкими рыбешками; шлепает ладошкой, как по поверхности водоема, образовавшегося на каменистом морском берегу во время прилива, всматривается в его глубь. Мизинцем подцепив одно воспоминание, вытаскивает его, затем — второе, третье. Одно за другим дитя выуживает их — его воспоминания. Каждое — слезинка идеальной формы, искрящаяся на ее ладошке.

Какой-то мальчишка с картофелиной в руке, следуя за телегой, поскользнулся на мокрых бульжниках — сам, без чьей-либо помощи.

Какая-то женщина с сияющими на солнце волосами сворачивает в дверной проем. О, так это ведь жена его брата!



СМЕРТЬ В СТЕКЛЕ

На зеленом поле стоит жеребенок четырех дней от роду, на его милой мордочке сверкает белый блик.

Дитя переворачивает ладошку и смотрит, как скатываются слезы.

Мужчину охватывает паника. В нем что-то набухает — беспримесное непреодолимое омерзение, внезапное острое, безудержное желание прикончить это существо. Придушить ее, раздолбить ей лицо, свернуть шею, как молодому кролику.

Некий внутренний голос, шепелявый детский голос, насмехается над ним. Разве он не самый безжалостный из негодяев, который мать родную удавит, и глазом не моргнув? Разве он не совершал преступления, ужасные преступления, не раздумывая, без зазрения совести? А сейчас боится даровать величайшую из милостей.

Мужчина со страхом смотрит на ребенка, который не сводит с него глаз.

Он ослабляет давление своей руки, что накрывает ее рот, и достает нож.

Пламя в светильнике над дверью покачнулось: входит няня. Колченогая, опрятно одетая, но поганая на язык. Бывшая арестантка, несколько лет отсидевшая в тюрьме, она привыкла обдирать грязные делишки. Ей это даже нравится. У нее за спиной, словно личная охрана, двое мужчин. У обоих лица по самые глаза спрятаны под платками. Странные личности: прижав локти к бокам, они двигаются неслышно, озираются, моргают, а сами прислушиваются. С каждым шагом ожидают, что вот-вот угодят в засаду.

— Не трогай ее, — велит ему няня. — Отойди.

Мужчина поднимает голову, медлит. Ребенок кусает его — быстрый укол неожиданно острых зубов. Ошеломленный, он резко отдергивает руку и видит на коже вереницу проколотых отверстий — крошечных, но глубоких.

Няня проталкивается мимо мужчины к кровати, мельком глянув на его руку.



— Ты об этом пожалеешь, тюльпанчик мой.

С демонстративной основательностью натянув на себя тонкие кольчужные перчатки, она отстегивает стропы, которыми девочка привязана к кровати, и начинает туго пеленать ее в кусок прочной ткани: сначала одну руку, затем вторую, крест-накрест стягивает их на груди; ноги — связывает. Ребенок извивается, разинув рот.

Мужчина стоит и встряхивает рукой, в недоумении глядя, как от ладони к запястью, от запястья к локтю тянутся красные линии, а отметины от зубов сначала багровеют, потом чернеют. Он выворачивает руку, давит на кожу. На лбу и на губе проступают капельки пота. Что это за дитя такое, которое кусается, как крыса? Он воображает — нет, чувствует, — как по телу растекается яд: от руки к сердцу, от легких в кишечник, к кончикам пальцев на руках и ногах. Яд распространяется, отмечая свой путь волдырями, польханием огня, который внезапно начинает пожирать его изнутри. Потом линии блекнут, отметины от зубов тускнеют, превращаясь в едва заметные точки.

Все это время существо наблюдает за ним, и глаза ее темнеют — не иначе игра света, падающего от фонаря! Глаза — два гладких плоских агата, удивительно плоских.

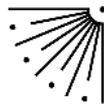
Няня отступает от кровати и тихим голосом отдает распоряжение:

— Заверните ее и в мешок, да побыстрей. И смотрите, чтоб не укусила!

Ребенка заворачивают в парусину, делают из стакселя¹ нечто вроде гамака.

¹ Стаксель — в парусном вооружении снасть стоячего такелажа, треугольный косой парус, поднимаемый по штагу между мачтами или впереди фок-мачты. (*Здесь и далее примечания переводчика*).





СМЕРТЬ В СТЕКЛЕ

Укушенный мужчина крутит-вертит свою руку, рассматривая крошечные отметины от зубов, и вдруг понимает, что утратил дар речи. Он издает звук, гласный звук, за коим следует булькающая череда согласных, падает на колени, словно молящийся, и заваливается на спину, рухнув на коврик перед камином. Он закричал бы, если б мог, но теперь способен только вытягивать перед собой руки. Лежит, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

С пола он наблюдает, как те двое, что пришли с няней, поднимают с кровати сверток. Идут медленно, словно шагают под водой.

Няня, с фонарем в руке, ковыляет к лежащему на полу мужчине, окидывает его взглядом. Ее диагноз: состояние тяжелое, лицо серое, под цвет его седых коротко остриженных волос. Еще не стар, но и давно уже не молод. А теперь еще и это.

Он начинает всхлипывать.

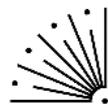
Няня и сама готова расплакаться. Какой талантливый вор погибает! Из тех, кому не надо открывать тебе рот, чтобы вытащить зубы.

— Закрой глаза, парень, — шепчет она, с трудом наклоняясь к нему. — Этим ты мне очень поможешь.

* * *

Связанная по рукам и ногам, она невесома в парусиновом гамаке. Но эти двое предпочли бы тащить ношу намного тяжелее, лишь бы не эту. Они поддались на уговоры няни, наслушавшись в таверне ее рассказней, но тогда они крепко выпили. А теперь и сами убедились, что в ребенке, которого они несут, таится зло, — как она и предупреждала.

Тот тип ведь, наверное, не просто так упал. Они обошли его стороной, чтобы не дай бог не задеть.





Плохо, что бросили бедолагу на произвол судьбы, но тащить его было бы страшнее, да им и не терпелось поскорее убраться оттуда. Гамак с запеленатым ребенком покачивается между ними. В тусклом свете фонаря кажется, что у нее огромные глазища. О, теперь они видят, что это существо — абсолютное зло. К тому времени, когда они доходят до лестницы, оба обливаются потом: слишком больших трудов им стоит не швырнуть ее об стену. Один готов не раздумывая прострелить ей голову, второй — перерезать горло. Велик соблазн скинуть ее с верхней площадки лестницы.

Няня следит, чтобы они не наделали глупостей. Шепотом отдает указания, обуздывает их порывы, сильными пальцами впиваясь им в руки, хватая за бока.

Требует, чтобы они исправно выполняли свою работу — ради денег.

— Даже не думайте! — тихим настойчивым тоном говорит няня. — Ни о чем таком даже не помышляйте! Приподняли — да, вот так, — и пошли.

Тишину большого дома нарушает лишь шарканье ног наших незваных гостей, которые вышагивают по коридорам со своей увязанной в пук ношей и, затаив дыхание, прислушиваются, не скрипнет ли где расшатанная половица или дверь, не разбудили ли они кого-то из тех, кто чутко спит.

Но прислуга благополучно поживает. Экономка, в ночном чепце, в рюшках, аккуратно подоткнутая со всех сторон одеялом (словно ложка, убранный до лучших времен), инспектирует во сне бельевые шкафы. Улыбается, глядя на безукоризненно ровные стопки божественно свежего белья, чистого, как облака. Дворецкий, в ночной сорочке, безупречный даже во сне, совершает обход бескрайнего винного подвала. В темных углах посмеиваются бутылки. Они выгаскивают свои пробки и вызывают к нему медовыми голосами. Завлекают песня-





ми отягченных гроздьями виноградных лоз, солнечных холмов и позабытого чувства служебного долга — соблазняют, зачаровывают! Он не останавливается, лишь крепче сжимая в руке фонарь. Горничные в своих гнездышках на чердаке грезят об омнибусах и ярмарочных представлениях. Под теплым покрывалом смачно храпит кухарка. Дородная, пропитанная бренди, как сливовый пудинг, спяну спать она завалилась не раздеваясь. Снятая ей бесподобные суфле, за которыми она гоняется, идя под парусами в кастрюле по морю из подливки. Все пребывают в глубоком забытии — укутавшись в одеяла, сопят в предрассветной тиши.

Сегодня ночью в большом доме царит безмолвие. Слышны лишь шаги наших незваных гостей, спешащих покинуть его стены через вход для прислуги.

Во дворе валяются отравленные собаки. На мордах пена, шерсть ерошит ветер, прилетевший с моря, что плещется на удалении многих миль. Пробравшись в глубь суши из-за леса, полей и дорог, этот ветер подметает на аллее гравий, танцует вокруг дымовых труб на крышах, со свистом врывается в замочные скважины.

Только мыши не спят. Да еще обитающий на кухне кот со злобными глазами не дремлет — так и норovit тайком подобраться к ним и сцапать кого пожирнее в мохнатой шкурке. Этот бич кладовой со змеевидным хвостом, на время позабыв про мышей, наблюдает, как по мощеному двору торопливо идут какие-то люди, отбрасывающие за собой освещенные луной тени. И сипуха следит за тем, как они сворачивают за угол. Парит над ними, словно привидение, бесшумно расправив крылья.

А вот и хозяин особняка. Тоже не спит.

Сидит в своем кабинете при свете лампы, мучается, ломает голову, что-то обдумывает, выверяет. Пишет и пишет, склонившись над столом, морща лоб. У него красивые бакенбарды, в которых серебрится





Джесс Кидд



седина. Он что-то бормочет, приговаривает, избредая будущее. Чем не прорицатель?

Темные силуэты идут мимо, пересекая террасу.

Возможно, услышав их шаги, хозяин дома устремляет взгляд в окно, но, не заметив перемен в ночном небе, вновь сосредоточивается на своих прожектах.

Тени быстро скользят по газону, направляясь к воротам. Две несут гамак с добычей, одна хромает следом.

* * *

Сверток в гамаке покачивается у самой земли. Девочка чувствует, как под ней трава хлещет парусину. Ощутив ночной воздух на своем лице, она неслышно делает глубокий вдох и так же неслышно выдыхает.

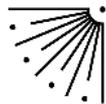
Убаюканное море пробуждается и откликается певучим плеском волн, бьющихся о глинистый сланец. Отзывается и небо, готовясь излиться дождем; назревает буря. Все реки и потоки, ручьи и озера, болота и пруды, лужи и колодцы просыпаются и вторят им на все лады разными голосами — тихими и напористыми, журчащими и бурлящими, мутными и прозрачными.

Девочка смотрит вверх и впервые видит звезды!

Она улыбается им, и звезды, глядя на нее, подрагивают.

А потом начинают сиять ярче, разгораясь с новой силой в глубине темного небесного океана.





Сентябрь 1863 г.

1

Ворон, расправив маховые перья, переходит в скользящий полет. Уверенно планируя в восходящих и нисходящих воздушных потоках, он вертит головой — посмотрит в одну сторону, потом — в другую. Внизу простирается Лондон, который не скроют от его черных, как смоль, зорких глаз ни пелена тумана, ни мгла, ни дымка!

С высоты он видит улицы и переулки, фабрики и мастерские, парки и тюрьмы, особняки и доходные дома, крыши, трубы и макушки деревьев. И извилистую, местами блестящую Темзу — грязное зеркало, в котором отражается небо. Оставив позади реку, ворон устремляется к холму, на котором высится церковь со шпилем и часовой башней. Облетает ее вокруг и садится на крышу, шурша крыльями. Клюет кирпичную кладку, лишайник, экскременты мотыльков, все что ни попадя. Подбирается к горгулье и клювом с любовью обводит ее глаза, легонько ударяет по ним, долбит.

Горгулья — существо, призванное исторгать дождевую воду из своей раскрытой пасти на паперть. При-





хожане (когда они еще здесь были) грешили на забитые водосточные желоба, но на самом деле это всегда были происки горгульи, которая задерживала в себе воду лишь для того, чтобы извергнуть поток на верующих, когда те останавливались у входа в храм Божий и вздрагивали, поднимая глаза к небесам.

Ворон перескакивает на край крыши, нависающий над папертью, и внимательно смотрит вниз.

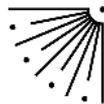
У входа в церковь стоит женщина. Она задирает голову вверх, но не вздрагивает. Брайди Дивайн не из тех, кто трепещет по поводу и без.

Какая же она?

Невысокая полноватая статная женщина лет тридцати в фиолетовом одеянии, создающем контраст (поразительный и ужасный) ее ярко-рыжим волосам, которые упрятаны (по большей части) под белый вдовий чепец. Платье на ней полутраурное, элегантного кроя, но не броское и не модное. Поверх вдовьего чепца на ее голове восседает украшенный перьями черный капор — уникально безобразное творение. Черные ботинки, на вид крепкие и прочные, начищены до блеска. С кринолином она не дружит; юбки у нее не широкие; шнуровка на талии не тугая — затянута лишь самую малость, чтобы внешне это выглядело респектабельно; серый плащ с фиолетовой отделкой — короткий. В общем, по всем признакам женщина она практичная, во всяком случае, считает практичным иметь возможность протискиваться в дверные проемы, лазить по лестницам и свободно дышать. У ее ног — докторский саквояж. Старомодный, чиненый-перечиненый, из засаленной кожи.

Она достает из кармана курительную трубку. Хм, забавно: на вид *приличная* женщина, и такие *фривольные* привычки. Правда, она весьма осмотрительна: курит под сенью безлюдной часовни, а не дымит на Стрэнде





СМЕРТЬ В СТЕКЛЕ

(не то что хрычовки с волосатыми подбородками, что чешут по улице с трубками в зубах, неся на голове корзины).

Ворон с интересом наблюдает за ней.

Женщина подмигивает птице. А в глазах ее — чертовщинка. Ворон в ответ издает негромкое «кар-р».

Глядит на горгулью: та лишь скалит в разъяренной гримасе пустую пасть, из которой ничего не льется.

Успокоенный, ворон взмывает ввысь.

* * *

Брайди Дивайн провожает взглядом ворона, пока тот не исчезает вдаль. Теперь во дворе часовни если что и шевелится, то только ее мысли, отмечает она. Иногда мимо распахнутых ворот прокатит телега или экипаж. Но, в принципе, от внешнего мира ее отделяет довольно высокая стена, и этого достаточно.

Брайди испускает вздох и обращает лицо к солнцу: осеннее тепло более насыщенное и мягкое, чем летний зной; чувствуется в нем постепенное умирание жаркого сезона. Брайди с наслаждением подставляет ласковым лучам лоб и щеки. Стоит воспользоваться тем, что солнце вообще нашло просвет в облаках и сумело пробиться к земле (в эту-то пасмурную пору, когда над городом висит туман и дымовая мгла).

Компанию Брайди составляют солнце, ее мысли и курительная трубка.

Сама эта трубка — непримечательная: глиняная, удобной формы, может спокойно угнестись и в руке, и в щели между зубами. И дешевая — из тех, что в ходу у ирландских рыночных гарпий. Чубук у нее короткий, чашка — маленькая, так что в случае дождя длинный крючковатый нос сварливой карги, нависая

